

Клан Суцзинь славится своим воинским искусством, но все женщины этого клана — искусные мастерицы ткачества. Именно их руками создаются все наряды для богини Яогуан.

Весть о предстоящем бракосочетании Байцзэ и Яогуан разлетелась повсюду, вызвав в разных кланах неоднозначную реакцию. Особенно это коснулось клана Лисиц из Цинцю. Бай Чжи так долго строил коварные планы, но, в конечном счёте, просчитался: он не ожидал, что Байцзэ пробудится. Он пытался украсть врождённые заслуги Байцзэ, однако не предвидел, что место наследования защищено столь мощными массивами. Пробиваясь через слой за слоем, он наткнулся на следы вмешательства самого Императора Дунхуа. В отчаянии ему оставалось лишь направить гнев Шаовань на окрестности священного места, надеясь, что Байцзэ попадёт в ловушку.

Видя, что Сяо У была так близка к успеху, он пришёл в ярость: появление Байцзэ заставило Яогуан очнуться. Похоже, заполучить её удачу ему больше не суждено. Теперь вся надежда оставалась на Сяо У: он уповал на то, что она, используя своё лицо, до боли напоминающее Шаовань, сможет сблизиться с Мо Юанем и вытянуть из него удачу. Когда Сяо У пройдёт через любовное испытание и станет Верховным богом, она поймёт, насколько верными были его расчёты.

Небесный владыка, выслушав доклад подчинённого о том, что Верховная богиня Яогуан собирается выйти замуж, нахмурился. Узнав, что избранником стал Верховный бог Байцзэ, он промолчал. В конце концов, оба принадлежали к Небесному клану, и тот факт, что Яогуан не досталась кому-то со стороны, был ему вполне по душе.

В Персиковом лесу десяти ли Чжэянь, облачённый в розовые одежды, усердно закапывал под деревьями кувшины с настоящим вином из лепестков персика. Увидев служанку из дворца Яогуан, он узнал новости: маленький Байцзэ, принявший наследие, очнулся и вскоре сочетается браком с Яогуан. На душе у него стало тепло.

— Похоже, долгое ожидание Яогуан не было напрасным, — промолвил он.

— Этот Верховный бог Байцзэ... что он за человек? Разве Верховная богиня Яогуан не была влюблена в Мо Юаня? — на красивом лице Бай Чжэня на мгновение отразилось раздражение.

Став Верховным богом, он узнал от отца, Бай Чжи, причину столь лёгкого достижения этого ранга. Бай Чжэнь давно знал: удача Яогуан предназначалась для Бай Цянь. Если бы та не влюбилась в Мо Юаня, как того требовал план отца, как бы удалось украсть удачу Яогуан? От одной этой мысли Бай Чжэнь возненавидел Байцзэ.

— Чжэнь-чжэнь, где ты набрался этих слухов? С чего бы Яогуан любить Мо Юаня?

— Разве нет? Но я слышал, она даже переехала жить по соседству с Куньлуньской ради него!

Чжэянь удивлённо взглянул на Бай Чжэня, словно тот был сегодня сам не свой.

— Возлюбленная Мо Юаня — Шаовань, первый в Поднебесной феникс. Яогуан поселилась во дворце Яогуан совсем по другой причине, а вовсе не из-за Мо Юаня. Тебе лучше сосредоточиться на самосовершенствовании, а не порочить чужое имя из-за пустых сплетен.

— Я просто слышал, а не выдумал! Чего ты на меня кричишь? Старый феникс, совсем из ума выжил!

Бай Чжэнь всегда был гордым. С детства он следовал по пятам за Чжэянем и, благодаря своей поразительной красоте, привык к особому отношению. Он был невероятно своенравен и, видя, что Чжэянь не собирается его утешать, в гневе решил прибегнуть к старому трюку: оседлал птицу Бифан и улетел.

Повзрослев, Бай Чжэнь, пользуясь близостью с Чжэянем, начал применять к нему чары обольщения, вытягивая из него удачу. Став Верховным богом, он обзавёлся собственными владениями. Каждый раз, когда он ссорился с Чжэянем, он улетал в свои земли и ждал, пока тот придет его умиловать. Лишь тогда Бай Чжэнь, снисходительно, прощал его.

Но в этот раз всё было иначе. Чжэянь холодным взглядом провожал Бай Чжэня, пока тот не исчез из виду на спине птицы Бифан. Чжэянь был мудр, подобно демону, — как при его силе он мог позволить так одурачить себя чарами Бай Чжэня? Просто он никогда не ждал подвоха от того, кого считал близким. Из всех обитателей Цинцю он проводил с Бай Чжэнем больше всего времени. И всё же, даже несмотря на это, Бай Чжэнь применил против него магию очарования.

Когда-то Чжэянь испытывал симпатию к матери Бай Чжэня, Ниншан, именно из-за её магических чар. Позже он даже давал ей советы, помогая сделать их ещё более изощрёнными. Он и подумать не мог, что сам станет жертвой.

— Кхе-кхе... — ребёнок, которого он растил столько лет, предал его, вызвав такое смятение в душе.

Чжэянь сложил пальцы для гадания, и его лицо, и без того осунувшееся, помрачнело. Почему его удача беспричинно иссякла? К тому же, внутри него начали прорастать ростки тьмы. В своё время он запечатал цитру Фуси именно для того, чтобы не поддаваться искушению тьмы. Неужели все эти десять тысяч лет были напрасны?

Внезапно его озарило! В голове всплыло имя — Байцзэ. Если верить словам Бай Чжэня, то влюблённость Яогуан в Мо Юаня могла быть следствием чужого расчёта? Или же кто-то намеренно внушил ей это?

Рассудок Чжэяня прояснился. Воспоминания прошлого пронеслись перед глазами, и он осознал, как был глуп. Он принимал стекляшки за жемчуг, питая своей собственной удачей ненасытную дыру под названием Цинцю, подобно няньке, выхаживающей чужих лисиц.

— Хорошо, очень хорошо! Оказывается, этот простак — я сам!

Розовая фигура исчезла в мгновение ока.

Перед дворцом Тайчэнь появился мрачный Чжэянь.

— В последнее время всё как-то слишком совпадает: сначала Яогуан с тем маленьким Байцзэ, потом Мо Юань, а теперь и ты. Без дела в такой дворец не приходят. Говори, зачем пожаловал?

Император Дунхуа сидел на циновке, отложив в сторону древний свиток.

— Будто очнулся от долгого сна!

— Верно, очнулся. И что намерен делать?

Увидев, что в глазах Дунхуа нет ни капли удивления, Чжэянь понял, что всё шло именно так, как тот и предвидел. Раз Яогуан приходила к нему по этому же поводу, возможно, и Мо Юань уже всё знает.

— Они все, как и я?

— Ты разве сам не догадался? — вопросом на вопрос ответил Дунхуа.

— Это я был глуп, не разглядел, насколько они подлы.

— Ещё не поздно. Будь осторожнее, наблюдай за ними и придумай способ выяснить, что именно замышляет Бай Чжи.

В отличие от Яогуан и Мо Юаня, Дунхуа видел демоническую энергию, просачивающуюся из Чжэяня. Если удача будет вытянута до конца, Чжэянь падёт во тьму. Он и представить не мог, что его старые друзья спустя столько лет станут жертвами одного и того же заговора. Похоже, слишком долгая жизнь тоже не идёт на пользу.

— Когда Яогуан и Байцзэ поженятся, я вернусь в Персиковый лес десяти ли и закроюсь там, больше не выйду.

— Неужели стайка лисиц запугала тебя настолько, что ты боишься нос из дома высунуть? — Чжэянь закатил глаза.

— У меня внутри столько демонической скверны, боюсь, как бы при встрече с ними я не содрал с них шкуры и не повыдергивал жилы.

— Ладно, пусть так. Но... почему Яогуан и этот малыш не пригласили меня на свадьбу?

— ...

Служанка, отправившаяся с приглашением, всё ещё была в Персиковом лесу. Неужели она до сих пор не дошла? Чжэянь украдкой взглянул на дорогу, ведущую к дворцу Тайчэнь, но там было тихо, и никто не появлялся.

<http://bllate.org/book/22249/2327128>